

DOI: 10.31857/S032103910010635-1

РОЛЬ АГЕСИЛАЯ В «ДЕЛЕ СФОДРИЯ»

Л. Г. Печатнова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: l.pechatnova@spbu.ru

В статье исследуется традиция о неудавшейся попытке спартанского гармоста Сфодрия захватить Пирей в 378 г. до н.э. Поскольку Сфодрий действовал без приказа, в Спарте он был привлечен к суду как государственный преступник. Своим неожиданным оправданием он полностью обязан царю Агесилаю. Анализ традиции о суде над Сфодрием приводит автора к выводу, что Агесилай держал под своим контролем весь государственный аппарат Спарты, включая судебную коллегия. В суде над Сфодрием мнение одного человека – царя Агесилая – решило исход голосования. Оправдательный приговор Сфодрию, инициированный Агесилаем, – весомое свидетельство возросшей роли царской власти в Спарте в первые десятилетия IV в. до н.э. (до битвы при Левктрах).

Ключевые слова: Агесилай, Клеомброт, Сфодрий, Фебид, Ксенофонт, Диодор, Плутарх, Спарта, Фивы

AGESILAUS' ROLE IN THE "CASE OF SPHODRIAS"

Larisa G. Pechatnova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: l.pechatnova@spbu.ru

Acknowledgments: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-09-00455

The article explores the tradition about the unsuccessful attempt of the Spartan harmost Sphodrias to capture Piraeus in 378 BC. Since Sphodrias acted without authorisation, he was brought to a public trial at Sparta. His unexpected acquittal was entirely due to the king Agesilaus. The analysis of the tradition about Sphodrias' trial leads the author to the conclusion that Agesilaus controlled the entire state apparatus at Sparta, including the judicial board. In Sphodrias' trial, the opinion of one person, i.e. Agesilaus, decided the outcome of the vote. The acquittal of Sphodrias initiated by Agesilaus is a weighty testimony of the great authority that this king had in the first decades of the fourth century BC (before the battle of Leuctra).

Keywords: Agesilaus, Kleombrotos, Sphodrias, Phoebidas, Xenophon, Diodorus, Plutarch, Sparta, Thebes

---

Данные об авторе. Лариса Гавриловна Печатнова – доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00455.

Сохранилось не так уж много сведений о случаях нарушения субординации со стороны спартанских военных магистратов и о реакции на такие эксцессы в Спарте. Тем ценнее сведения о Сфодрии (Σφωδρίας), спартанском гармостве¹ в беотийском городе Феспиях, который в начале 378 г.² с большим отрядом решил напасть на афинскую гавань Пирей. По вопросам о подстрекателях Сфодрия, деталях похода, судебном процессе над гармоством и участии в нем Агесилая в дошедшей до нас традиции существуют значительные расхождения.

Прежде чем перейти к анализу источников о Сфодрии, заметим, что первые три десятилетия правления Агесилая II (399–371) почти идеально совпадают с началом и концом Спартанской империи. Он умер, когда Спарта уже превратилась во второстепенное государство, потерявшее Мессению и переставшее быть лидером даже Пелопоннесского союза. В этом, конечно, заключается парадокс. Как могло случиться, что при таком талантливом политике и военачальнике, каким традиция рисует нам Агесилая, Спарта претерпела столь катастрофическую метаморфозу? Мы не возьмемся здесь дать всеобъемлющий ответ на этот вопрос, но попытаемся рассмотреть только один аспект данной проблемы – в какой степени личные приоритеты Агесилая повлияли на внешнюю политику Спарты. Ведь вся наша традиция свидетельствует о том, что в период его правления политика Агесилая и политика Спарты были неразделимы³. Поддержка, оказанная Агесилаем Сфодрию, признанному всеми военным преступником, нанесла огромный ущерб репутации Спарты и оттолкнула от нее союзников, что в конечном счете привело к формированию антиспартанской коалиции.

В данной статье мы постараемся оценить роль Агесилая в «деле Сфодрия». Для этого перечислим имеющиеся в нашем распоряжении источники и попробуем сопоставить их друг с другом, имея в виду именно нашу главную цель.

Наиболее подробный рассказ о всех коллизиях, связанных с планируемым нападением Сфодрия на Пирей, приводит Ксенофонт, современник описываемых им событий, но при этом весьма субъективный наблюдатель. В то же время детальный рассказ Ксенофонта о Сфодрии – редкая возможность для

¹ Гармосты – военные коменданты, появившиеся в ходе Пелопоннесской войны и посылавшиеся вместе с гарнизонами в наиболее важные союзные города для осуществления прямого правления и силовой поддержки проспартанских режимов. Институт гармостов просуществовал вплоть до битвы при Левктрах (Xen. *Hell.* VI. 3. 18; Paus. IX. 6. 4), а высшей точки своего развития достиг в 90-е годы IV в., став той универсальной базой, на основе которой Спарта строила свои отношения с новыми союзниками. Насколько мы знаем, гармосты назначались и эфорами, и навархами, и царями. Строго не были определены ни сроки их деятельности, ни круг полномочий, ни границы подотчетных им территорий. Из работ, наиболее полно отражающих историю развития этого института, см. исследование Г. Бокиш (Bockisch 1965, 129–239).

² О хронологии рейда см. Cawkwell 1973, 56. Здесь и далее все даты до н.э.

³ Ruzé 2018, 346.

нас хотя бы частично представить себе расстановку политических сил в Спарте и место Агесилая внутри спартанского социума.

В своей «Греческой истории» Ксенофонт всегда выступал на стороне Спарты, оправдывая все действия спартанцев за границей, а если оправдать было невозможно, то просто умалчивал о неприятных для репутации Спарты эпизодах. В какой-то мере стал исключением как раз его рассказ о рейде Сфодрия. Ксенофонт не пропустил этого позорного со всех точек зрения эпизода. Это можно объяснить желанием автора лишний раз привлечь внимание читателя к своему герою — царю Агесилаю — и показать, что тот пользовался в Спарте исключительным авторитетом, объединяя вокруг себя всю политическую элиту, а не только своих друзей и сторонников. Для Ксенофонта история со Сфодрием стала подходящим случаем лишний раз изобразить Агесилая как образец традиционного благочестия и верности друзьям, с одной стороны, и подчеркнуть его огромный авторитет в Спарте, с другой.

Обратимся теперь непосредственно к Ксенофону. В своем первом упоминании о Сфодрии Ксенофонт связывает его с царем Клеомбротом. По его словам, Клеомброт, возвращаясь домой после своего неудачного похода в Беотию в начале 378 г., оставил Сфодрия гармостом Феспий с гарнизоном и остатком имевшихся в его распоряжении денег (*Hell. V. 4. 15*). Подобное назначение скорее всего свидетельствует о высоком положении Сфодрия в войске и о доверенных отношениях между ним и молодым царем.

Далее Ксенофонт переходит непосредственно к рассказу о рейде Сфодрия. Он утверждает, что сама идея использовать Сфодрия для провокации, имевшей целью поссорить Афины и Спарту, принадлежала Фивам. По его словам, «феспийского гармоста Сфодрия они убедили, — как подозревали, путем подкупа (χορήματα δόυντες) — вторгнуться в Аттику, дабы тем побудить афинян открыть военные действия против лакедемонян» (*Hell. V. 4. 20*, здесь и далее пер. С.Я. Лурье). Правда, Ксенофонт говорит о взятке не совсем уверенно, добавив «как подозревали». Важно заметить, что Ксенофонт бесспорно считал инициаторами и виновниками рейда Сфодрия именно фиванцев⁴ или хотел внушить читателю эту уверенность. Это неудивительно при его безусловной враждебности к Фивам. Недаром, описывая поведение фиванцев, Ксенофонт утверждал, что те прибегли к «уловке» (μηχανήμα), уговорив жадного и недалекого спартанца пуститься на откровенную и очень опасную авантюру.

По словам Ксенофонта, Сфодрий согласился с предложением фиванцев в том числе и потому, что эта задача показалась ему легкой: восстановление Длинных стен, начатое Кононом, видимо, еще не было закончено, и гавань

---

⁴ Далеко не все исследователи доверяют мнению Ксенофонта о роли Фив в устройстве провокации с участием Сфодрия. Так, А. Макдоналд уверен, что «Ксенофонт просто изобрел соучастие беотийцев в этом рейде» (MacDonald 1972, 39).

не имела ворот (Xen. *Hell.* IV. 8. 10; Diod. XIV. 85. 2–4)⁵. Сфодрий, желая напасть внезапно, предполагал совершить ночной рейд⁶.

Ксенофонт, описав намерения Сфодрия, рассказывает о том, что случилось на самом деле. Оказывается, «Сфодрий не принял никаких мер для того, чтобы не быть замеченным» (*Hell.* V. 4. 21). По всей видимости, он не очень старался скрыть движение своего войска, ни тогда, когда он входил на территорию Аттики, ни тогда, когда он ее покидал. Ксенофонт даже утверждает, что он, «наоборот, уклоняясь от пути, захватывал скот и грабил дома» (V. 4. 21), т.е. открыто занимался мародерством. В результате на рассвете Сфодрий дошел только до Фриасийской равнины, расположенной к востоку от Элевсина. К этому времени в Афинах уже знали о том, что «к ним приближается очень большое войско», и были готовы его встретить (V. 4. 21). Для военачальника, желающего как можно дольше скрывать свои намерения от врага, поведение Сфодрия кажется очень странным. Он действовал так, как будто на самом деле вовсе не намеревался нападать на Пирей, а потому и не был заинтересован дойти до него. Во всяком случае, Сфодрий в описании Ксенофонта представлен легкомысленным, недальновидным и бесталанным офицером, не способным хорошо спланировать и выполнить свой замысел. А намек на получение им взятки рисует Сфодрия еще и коррупционером.

Неудавшаяся попытка захватить Пирей, как и можно было ожидать, имела катастрофические последствия для отношений между Спартой и Афинами. Хрупкий мир был поставлен под угрозу. Ксенофонт рассказывает о судьбе спартанских послов⁷, которые как раз в этот момент находились в Афинах и остановились у спартанского проксена Каллия⁸. Эти послы, по его словам, случайно

⁵ Но существует и другое объяснение отсутствию ворот, которое кажется нам предпочтительным. Дж. Коуквелл предложил единственную, с его точки зрения, разумную интерпретацию этого факта. По его мнению, «ранее они были запрещены условиями Царского мира... Военно-морская мощь Афин была настоящей греческой угрозой интересам царя в Азии; царь вполне мог потребовать, чтобы порт оставался открытым для наблюдения... В любом случае, как еще можно объяснить ту странность, что Пирей был без ворот в 378 г.?» (Cawkwell 1973, 54). Того же мнения придерживается и В. Паркер: «Трудно представить, почему афиняне решили не навешивать ворота, если это не было связано с договором. По иронии судьбы, скрупулезное соблюдение афинянами этого пункта послужило искушением для Сфодрия напасть на Пирей» (Parker 2007, 29). Подтверждает эту версию замечание Ксенофонта, что после того как спартанцы оправдали Сфодрия, «афиняне снабдили Пирей городскими воротами» (*Hell.* V. 4. 34), т.е. посчитали Царский мир безусловно нарушенным спартанской стороной.

⁶ От границы с Беотией до Пирея предстояло пройти около 50 км. Это было слишком большое расстояние для ночного перехода. Ч. Гамильтон полагает, что «план Сфодрия, вероятно, с самого начала дал сбой из-за неверного расчета того времени, которое было необходимо для преодоления этого расстояния» (Hamilton 1991, 167).

⁷ Среди трех послов был Этимокл, о котором в другом месте Ксенофонт говорит как о друге Агесилая (*Hell.* V. 4. 32).

⁸ Каллий, сын Гиппоника из рода Кериков, — один из самых богатых афинян. Как и его отец, он был дадухом на Элевсинских мистериях. В качестве проксена Спарты активно участвовал в дипломатических переговорах между Афинами и Спартой.

оказались в Афинах во время набега Сфодрия. Ксенофонт ничего не говорит об их миссии. Возможно, речь шла просто о подтверждении и закреплении Царского мира. В этот период как Спарта, так и Афины внимательно следили друг за другом и, вероятно, часто обменивались посольствами.

Афиняне, узнав о рейде Сфодрия, немедленно арестовали спартанских послов «по подозрению в соучастии» (*Hell.* V. 4. 22). Ксенофонт утверждает, что послы не имели никакого отношения к Сфодрию, который, по их словам, действовал «без ведома Лакедемонского государства». Это заявление послов можно рассматривать как официальную версию, на которой спартанцы и в дальнейшем будут настаивать. Послы заверили афинян, скорее всего совершенно искренне, что Сфодрий непременно будет наказан как военный преступник (V. 4. 23). Они сумели убедить афинян в своей невиновности и были ими освобождены (V. 4. 24).

Хотя Ксенофонт и говорит о случайном совпадении по времени рейда Сфодрия и спартанского посольства, однако, возможно, посольство было отнюдь не случайным, как и сам рейд Сфодрия. Незадолго до того возникла серьезная причина ухудшения отношений Спарты и Афин: зимой 379/378 г. фиванские изгнанники, скрывавшиеся до того в Афинах, низвергли проспартанский режим в Фивах. Они получили поддержку от Афин, согласно Ксенофону неофициально (*Hell.* V. 4. 9–10)⁹, а согласно Диодору совершенно открыто (XV. 25. 4–26)¹⁰. П. Родс, пытаясь как-то сблизить эти две версии, предположил, что афинское войско было послано только до границы с Беотией, а вот вошло на территорию Беотии уже по собственной инициативе¹¹. Именно за это, видимо, афиняне, напуганные все еще реальной спартанской угрозой, вскоре присудили к смертной казни двух стратегов, стоявших во главе данного войска (*Hell.* V. 4. 19). Так что

⁹ Р. Сигер обратил внимание на то, что рассказ Ксенофонта об участии афинян в осаде Кадмеи вводит в заблуждение. По его мнению, предпочтительнее версия Диодора как подлинно историческая (Seager 2008, 166).

¹⁰ Диодор прямо говорит, что фиванцы просили афинян «прийти со всем войском к ним на помощь и вместе с ними освободить Кадмею от присутствия лакедемонян» (XV. 25. 4). Афиняне в ответ на их призыв приняли декрет «немедленно послать как можно большее войско с тем, чтобы освободить Фивы» (XV. 26. 1). В результате в середине зимы 379/378 г. они послали в Фивы во главе с Демофонтом большое войско, состоящее из 5000 пеших и 500 всадников, которые и приняли участие в осаде полуторатысячного лакедемонского гарнизона, занимавшего с 382 г. Кадмею (XV. 26. 2–4). Подтверждает свидетельство Диодора об официальном характере помощи, оказанной Афинами, Динарх, оратор конца IV в., в своей речи «Против Демосфена». Он даже называет автора псефисмы – некоего Кефала, который «внес предложение, чтобы афиняне выступили в поход на помощь изгнанникам, захватившим Фивы» (Dinarch. I. 39). Элий Аристид, видимо, следуя Эфору, также упоминает помощь, оказанную афинянами фиванцам, но в самом общем виде, без каких-либо деталей (Ael. Aristid. *Panath.* 172–173). В схолиях к речи Эсхина «О преступном посольстве» (II. 117) уже прямо утверждается, что «именно афиняне являются теми, кто... выгнал гарнизон лакедемонян из Кадмеи» (*Schol. Aeschin.* Dilts, p. 85, 257). Лакедемонский гарнизон в Кадмее, не дождавшись помощи, капитулировал. Взбешенные спартанцы привлекли к суду трех командующих гарнизоном и двух из них казнили, а на третьего наложили такой огромный штраф, что тот не имел никакой возможности его заплатить (Diod. XV. 27. 3).

¹¹ Rhodes 2006, 229.

послы, возможно, прибыли в Афины для того, чтобы принести свои протесты: спартанцы были недовольны действиями афинян в поддержку Фив, действиями, на которые Ксенофонт нам только намекает.

Возможна и еще одна причина присутствия спартанского посольства в Афинах. Дж. Коуквелл полагает, что так спартанские эфоры прореагировали на первые шаги Афин по созданию Второго Афинского морского союза. Послы явились в Афины с протестами именно по этому поводу. По мнению Коуквелла, в дальнейшем спартанские власти отнеслись к Сфодрию снисходительно, зная, что у того были веские причины действовать столь радикальным образом¹².

После сообщения о судьбе посольства Ксенофонт переходит к заключительной стадии рассказа о Сфодрии. Как это обычно бывало с провинившимися спартиатами, служившими за границей, Сфодрий получил от эфоров приказ немедленно вернуться домой. Здесь его «привлекли к суду по обвинению в преступлении, караемом смертной казнью» (*Hell.* V. 4. 24). Однако Сфодрий, как объясняет Ксенофонт, не явился на суд «из страха», но тем не менее был оправдан заочно. Подобная неявка на суд обвиняемых, которым грозила смертная казнь, — довольно частое явление в спартанской практике. Так поступали многие знатные персоны, включая царей; правда, в отличие от Сфодрия никого из них не оправдали в суде в их отсутствие. Так что история с оправданием Сфодрия по-своему уникальна. По этому поводу П. Картледж заметил, что «в любом другом греческом государстве отказ Сфодрия явиться на суд был бы достаточным основанием, чтобы обвинить его»¹³.

Ксенофонт, понимая необычность сложившейся ситуации, счел нужным подробно объяснить причину, казалось бы, необъяснимого оправдания Сфодрия. Для этого Ксенофонту пришлось ввести в свой рассказ новых персонажей: Клеонима, сына Сфодрия, и Архидама, сына Агесилая. Ксенофонт сообщает, что они были любовниками, причем Архидам как старший по возрасту покровительствовал своему юному другу¹⁴. По просьбе Клеонима, Архидам обращается к своему отцу с просьбой пощадить Сфодрия, однако не находит у того понимания. Агесилай отказывает ему в помощи, резонно указав на то, что не может признать «невиновным человека, который ради собственного обогащения действовал во вред отечеству» (*Hell.* V. 4. 30). Этой фразой Ксенофонт ясно дает понять, что у царя не было никаких сомнений в виновности Сфодрия.

Но тем не менее, по инициативе того же Агесилая, суд над Сфодрием закончился его оправданием. Ксенофонт объясняет, какими соображениями при этом

¹² Cawkwell 1973, 55. Мнение, что ядро Второго Афинского морского союза сформировалось зимой 379/378 г., до атаки Сфодрия, можно найти у следующих авторов: Rhodes 2006, 229–230; Seager 2008, 166; Hornblower 2011, 240. Ч. Гамильтон, не отвергая этой версии, указывает, однако, что данная реконструкция основана главным образом на свидетельстве Диодора, чья хронология часто бывает ошибочной (Hamilton 1991, 169). Версии о других возможных причинах спартанского посольства см. Parker 2007, 22, п. 34–35.

¹³ Cartledge 2000, 20.

¹⁴ И.Е. Суриков не исключает того, что данная история, рассказанная Ксенофонтом, возможно, является довольно рано появившимся анекдотом, понадобившимся для объяснения причины, заставившей Агесилая защищать человека, который даже не принадлежал к его сторонникам (Surikov 2015, 118).

руководствовался Агесилай. Царь полагал, что Сфодрий бесспорно заслуживал снисхождения и оправдания, поскольку в прошлом он был образцовым спартиатом: ибо «тяжело предавать смертной казни такого человека, все поступки которого и в детстве, и в отрочестве, и в юности были самыми достойными; именно в таких воинах нуждается Спарта» (V. 4. 32)¹⁵. Для Агесилая главным и, заметим, единственным аргументом в пользу Сфодрия было его образцовое поведение в прошлом, что, по мысли царя, видимо, должно было гарантировать его исключительную полезность для государства в будущем.

Заметим, что похожим образом, согласно Плутарху (*Ages.* 23. 4), Агесилай за год до рейда Сфодрия аргументировал и причину, по которой он открыто выступил в защиту Фебида, заявив возмущенным спартианцам, «что важно выяснить только, принес ли этот поступок какую-нибудь пользу...» (ὅτι δεῖ τὴν πρᾶξιν αὐτῆν, εἴ τι χρησίμων ἔχει, σκολεῖν). Здесь центральное выражение — τι χρησίμων (дословно «что-либо полезное»). Похоже, это и есть *credo* Агесилая: любое военное преступление, совершенное с пользой для Спарты, заслуживает одобрения и оправдания, даже если оно грубо попирает все международные нормы и существующие на тот момент соглашения.

Но Агесилай, защищая Сфодрия, не мог сослаться даже на то, что совершенное тем преступление было полезно для Спарты, ибо вылазка Сфодрия выглядела как необдуманная и опасная провокация, вредная для репутации Спарты и ничего не принеся ей, кроме позора. Поэтому Агесилай ограничился ссылкой на полезность самого Сфодрия. И тут центральной и, как кажется, единственной темой защиты становится указание на его успешное прохождение в прошлом всех этапов спартианского воспитания¹⁶. Трудно сказать, насколько подобный аргумент в случае со Сфодрием был бы убедителен для судей, если бы его высказал кто-либо иной, кроме Агесилая. Но способ защиты, к которому прибег Агесилай, видимо, был встречен с пониманием, и вот почему.

Мнение о том или ином спартиате формировалось в обществе на протяжении всех лет обучения того в спартианских школах-казармах и было хорошо известно властям, в частности эфорам (*Xen. Lac. pol.* 4. 6; *Aelian. Var. hist.* 14. 7). От поведения в детские и юношеские годы зависела дальнейшая карьера любого гражданина. Судя по замечаниям Ксенофонта в его «Лакедемонской политике», в надзор за воспитанием молодого поколения было вовлечено довольно много взрослых

¹⁵ «ὅστις μὲντοι παῖς τε ὢν καὶ παιδίσκος καὶ ἡβῶν πάντα τὰ κατὰ ποιῶν διετετέλεσε, χαλεπὸν εἶναι τοιοῦτον ἄνδρα ἀλοκτινύναι: τὴν γὰρ Σπάρτην τοιοῦτων δεῖσθαι στρατιωτῶν». Мы несколько уточнили перевод С.Я. Лурье, поскольку в подлиннике нет слов, которые можно было бы перевести как «настоящий спартиат».

¹⁶ Ксенофонт перечисляет специфические термины, применяемые в Спарте для младших возрастных групп: παῖς, παιδίσκος, ἡβῶν. Они повторяются и в его «Лакедемонской политике» (2. 2). Хотя точные возрастные границы этих групп являются до сих пор предметом споров, однако чаще всего применяется такая градация: мальчики (παῖδες) с 7 до 12 лет, подростки (παιδίσκοι) с 12 до 18, юноши (ἡβῶντες) с 18 до 20. Полная правоспособность спартианцев наступала после 30 лет: только с этого возраста они могли становиться магистратами.

спартиатов, как по должности (2. 2)¹⁷, так и на «общественных началах» (2. 10; 3. 3). Нам кажется, Ксенофонт не преувеличивал, говоря об активном участии граждан в воспитании молодого поколения. Каждый юный спартиат был на виду всего гражданского коллектива, и о нем складывалось определенное мнение не только внутри узкого круга официальных лиц, но и у всей общины *in corpore*. Конечно, какую-то роль в дальнейшей карьере юноши играло богатство и влияние его семьи, но важнее все-таки было, вероятно, его образцовое поведение. При общем эгалитарном тренде, имевшем место в Спарте, юноши даже из знатных семей не могли автоматически рассчитывать на удачную карьеру, они должны были приложить к тому собственные усилия.

Видимо, карьера Сфодрия складывалась наилучшим образом благодаря двум факторам: хорошему происхождению¹⁸ и отличным успехам в ходе агогэ. В результате он, вероятно, оказался членом элитарной сисситии, чьи участники могли способствовать его дальнейшему карьерному росту¹⁹, и попал в число т.н. всадников²⁰. Подобное развитие карьеры было пределом желаний любого юного спартиата. На большую вероятность именно такого развития событий обратил внимание Ф. Дэвис: «Допуск в корпус всадников являлся дальнейшим достижением, которое мы можем считать среди достоинств (*τὰ καλά*) Сфодрия»²¹.

Ксенофонт в своем подробном рассказе об усилиях Клеонима и Архидама в деле спасения Сфодрия попутно останавливается на расстановке политических сил как в государстве, так и в самом суде. Сфодрия Ксенофонт причисляет к кругу друзей царя Клеомброта, соправителя Агесилая (V. 4. 25). Им Ксенофонт противопоставляет группировку Агесилая, а также указывает на существование тех, кто занимал нейтральную позицию. Подобная схема, предложенная

¹⁷ Ф. Дэвис подсчитал, что к двадцати годам любой спартанский юноша подвергался наблюдению со стороны служб, отвечающих за его воспитание и состоящих более чем из пятидесяти человек (Davies 2018, 484). Это означает, что несколько десятков взрослых спартиатов наблюдали за каждым молодым человеком в течение ряда лет и, соответственно, выносили свои суждения о нем.

¹⁸ О том, что Сфодрий был из знатной семьи, косвенно свидетельствует близость его с царем Клеомбротом и любовная связь его сына с наследником престола.

¹⁹ Согласно Плутарху (*Лус.* 12. 5–6) именно сотрапезники решали, принимать ли того или иного юношу в свой обеденный клуб. Скорее всего новый член сисситии оказывался среди своих родственников и старших товарищей. Последние становились для вновь поступающих и воспитателями, и покровителями, и сексуальными партнерами (педерастия не была институализирована в Спарте, но сам феномен был широко распространен в спартанском обществе; по поводу гомосексуальных связей в среде спартиатов см., к примеру: Cartledge 1981, 17–36; Davies 2018, 486–487). Таким образом, молодые люди в двадцатилетнем возрасте оказывались внутри достаточно закрытого клуба, где формировалось их мировоззрение и складывались долговременные дружеские связи.

²⁰ «Всадниками» на конкурсной основе становились только те молодые спартиаты, которые уже сумели проявить себя (Plut. *Лус.* 25. 6). О корпусе «всадников» см. Andreev 1969, 24–36; Figueira 2006, 57–84; Ducat 2007, 327–340.

²¹ Davies 2018, 488.

Ксенофонтом, предполагает, что судьи Сфодрия (предположительно, геронты и эфоры²²) были разделены на три лагеря: друзья Агесилая, друзья Клеомброта и те, кто не принадлежал к открытым сторонникам кого-либо из царей. Но на этот раз все три фракции были единодушны в своей уверенности, что «Сфодрий совершил ужасное преступление» (V. 4. 25: δεινὸν γὰρ ἔδόκει πλοηκέναι). А поскольку он еще и не явился в суд, его обвинительный приговор казался делом решенным. Однако такой настрой судей резко изменился после того, как Агесилай ясно обозначил свою позицию.

Из рассказа Ксенофонта следует, что Агесилай не был склонен прислушиваться к чьему-либо мнению, включая просьбы собственного сына. Его решение поддержать Сфодрия Ксенофонт изображает как совершенно независимое и вполне рациональное, исходящее из собственных убеждений спартанского царя. Ксенофонт почти ничего не говорит о позиции сторонников Агесилая, ограничившись одной репликой: как заявил один из приближенных царя, «мы будем поступать так же, как сам Агесилай» (V. 4. 32). Точка зрения одного человека — царя Агесилая — оказалась решающей, и члены суда вслед за своим архагетом проголосовали за оправдание Сфодрия. Кстати, если учесть, что всего судей было максимум 35 (28 геронтов, пятеро эфоров и два царя)²³, то, для того чтобы мнение Агесилая победило, он должен был убедить еще только 17 судей²⁴. Это означает, что по крайней мере половина судей были его открытыми сторонниками и не задумываясь голосовали по его указке.

Рассказ Ксенофонта о Сфодрии производит двойственное впечатление. Казалось бы, он достаточно полон и подробен, но это не совсем так. С.Я. Лурье называет эпизод с оправданием Сфодрия темным и обвиняет Ксенофонта в том, что историк, «по-видимому, сделал все возможное для того, чтобы он остался навсегда

---

²² В большинстве случаев, когда речь шла о функционировании спартанского государственного аппарата, древние авторы не называли органа, который санкционировал ту или иную акцию. Суд над царем Павсанием (403/402 г.) — редкое исключение. Периегет Павсаний сообщает, что «в суде над лакедемонским царем заседают так называемые геронты, двадцать восемь человек, вся коллегия эфоров, а вместе с ними и царь из другого царского дома» (III. 5. 2). Опираясь на этот источник, большинство исследователей пришли к выводу, что самые тяжкие уголовные преступления в Спарте судились коллегией, состоящей из эфоров и геронтов (Richer 1998, 411–412; Cartledge 2000, 18). В суде над царем Павсанием голоса членов герусии разделились поровну. Подобное распределение голосов скорее всего свидетельствует о том, что среди геронтов были как родственники обоих царей, так и их ближайшие друзья. Правда, никаких прямых свидетельств на этот счет нет. Можно только высказать гипотезу, что влиятельные и много лет правящие цари лучше справлялись с этой задачей и добивались значительного присутствия своих сторонников в герусии.

²³ Из-за отсутствия бесспорных свидетельств у нас нет и не может быть полной уверенности, что состав суда над Сфодрием был именно таким. Это скорее наиболее вероятное предположение. Сошлемся, в частности, на мнения П. Картледжа и Ч. Гамильтона, которые считали, что судьями были именно геронты (Cartledge 1987, 137, 157; Hamilton 1991, 171).

²⁴ Cartledge 2000, 20–21.

загадкой для исследователей»²⁵. Действительно, при внимательном чтении становятся заметными усилия Ксенофонта обойти наиболее неприятные для репутации спартанцев темы. Так, неясным остается поведение Сфодрия после приказа эфоров вернуться в Спарту. Ксенофонт утверждает, что тот не явился на суд. Но, с другой стороны, он вроде бы во время суда находился в Спарте, поскольку, по словам Ксенофонта, общался там с сыном (V. 4. 26). Не говорит Ксенофонт конкретно и о том, кто входил в состав суда над Сфодрием. Среди судей он называет только Агесилая и Этимокла (V. 4. 32). Не очень ясна и его собственная позиция по отношению к оправданию Сфодрия. Вроде бы Ксенофонт одобряет критерий, которым руководствуется Агесилай при оценке деятельности того или иного фигуранта судебного дела. Он ясно дает понять, что царя интересует только одно — потенциальная ценность для государства спартиата, представшего перед судом. Ксенофонт при этом сам не оценивает оправдательный приговор Сфодрию, но, видимо, внутренне присоединяется к общему мнению спартанцев, что «этот процесс был самым несправедливым из всех, которые велись в Лакедемоне» (V. 4. 24)²⁶. Однако открыто позицию Агесилая в деле Сфодрия Ксенофонт не осудил.

Кроме Ксенофонта о рейде Сфодрия и о предшествующих ему событиях, правда не в таком подробном виде, сообщают поздние авторы Диодор и Плутарх. Диодор, скорее всего сильно сократив Эфора, ограничился конспективным изложением событий. Он, говоря о Сфодрии, прежде всего дает оценку его моральным качествам, называя спартанского гармоста легкомысленным, жадным и неосмотрительным. Инициаторами аферы с Пиреем у Диодора выступают вовсе не Фиванцы, а царь Клеомброт, который, по словам Диодора, убедил Сфодрия «захватить Пирей без решения эфоров» (XV. 29. 5: ἄνευ τῆς γυώμης τῶν ἐφόρων). Замечание об отсутствии официального приказа напасть на Пирей рисует Клеомброта безответственным авантюристом, толкающим своего подчиненного на должностное преступление. Молодой царь, только что вступивший на трон, вряд ли решился бы на подобный шаг. Скорее всего перед нами анекдот, обязанный своим возникновением сторонникам Агесилая, которые были не прочь очернить коллегу и возможного соперника их патрона.

О суде и оправдании Сфодрия Диодор²⁷ говорит одной фразой: «А он, будучи обвиненным в совете спартиатов (ἐν τῷ συνεδρίῳ τῶν Σπάρτιατῶν) и имея царей союзниками, противозаконно был оправдан» (XV. 29. 6; здесь и далее пер. Л.Г. Печатновой). У Диодора судебная коллегия выносит несправедливый оправдательный приговор при содействии обоих царей. Диодор, в отличие от Ксенофонта, специально не выделяет Агесилая как главное действующее лицо,

²⁵ Luria 1935, 316.

²⁶ Оправдательный приговор Сфодрию имел самые негативные для Спарты последствия. Афины сочли Спарту нарушившей ранее заключенный мирный договор (Diod. XV. 29. 5–6). Результатом стал союз между Афинами и Фивами против Спарты и последующее почти сразу же окончательное оформление Второго Афинского морского союза — февраль или март 377 г. (Diod. XV. 28. 4; IG II² 43 = Tod 1948, no. 123, 1–5). Ксенофонт не говорит ни слова об образовании антиспартанской коалиции.

²⁷ Диодор с ошибками передает имя Сфодрия (Сфодриад) и дату рейда (379 г.) Такая небрежность для него характерна.

определившее судьбу Сфодрия. Автор «Исторической библиотеки» заканчивает свой рассказ о Сфодрии замечанием, что «афиняне, тяжело переживая случившееся (т.е. нападение Сфодрия. — Л. П.), указали в своем постановлении, что мирный договор был разорван лакедемонянами» (XV. 29. 7). Диодор представил рейд Сфодрия как совершенно бессмысленную авантюру не только в военном отношении. Афиняне сочли его вторжение на территорию Аттики беспорочным нарушением мира и в дальнейшем использовали эту акцию в качестве *casus belli*.

Обратимся теперь к Плутарху, который в двух своих биографиях, Агесилая и Пелопида, касается нашего сюжета. Надо сразу отметить, что Плутарх как беотийский патриот сосредотачивает свое внимание на знаменитых фиванских политиках Пелопиде и Эпаминонде, тогда как Ксенофонт тщательно и последовательно избегал всяких о них упоминаний. Ученые давно обратили внимание на эту лакуну. Как справедливо заметил В. Паркер, «решительный отказ Ксенофонта от упоминания этих двух архитекторов фиванской гегемонии — свидетельство его крайней враждебности к Фивам»²⁸.

Начнем с «Жизнеописания Агесилая»²⁹. Плутарх четко определяет место Сфодрия в политическом раскладе, говоря, что он был в числе противников Агесилая (24. 3). В характерной для Плутарха дуалистической манере Сфодрию придают черты как положительного, так и отрицательного персонажа: с одной стороны, он человек смелый и честолюбивый, а с другой, «более преисполнен пустых надежд, чем благоразумия» (24. 3; здесь и далее пер. К.П. Лампсакова). В русле этой характеристики Плутарх утверждает, что Сфодрий еще до всякого вмешательства фиванцев сам мечтал о славе Фебида, «который благодаря своему дерзкому поступку в Фивах стал знаменит...» (*Ages.* 24. 3). Это замечание склонило некоторых исследователей к выводу, что Сфодрий действовал совершенно самостоятельно, вдохновляясь исключительно примером Фебида³⁰. Среди них назовем Ф. Дэвиса, по мнению которого Сфодрий решил напасть на Пирей, чтобы по примеру Фебида произвести впечатление на спартанские власти подобным же смелым предприятием и тем самым укрепить свое положение³¹.

Непосредственными подстрекателями Сфодрия Плутарх вслед за Ксенофонтом называет фиванцев и даже сообщает их имена. Это были, по его словам, беотархи Мелон и Пелопид³². Отметим, что Плутарх, говоря о затее фиванцев, употребляет то же выражение, что и Ксенофонт, — *μηχανή* «уловка, затея, хитрость» (*Ages.* 24. 4). Однако о подкупе Сфодрия здесь речи не идет. Плутарх утверждает, что подосланные к спартанскому гармосту люди, которые называли себя сторонниками лаконцев, действовали исключительно с помощью лести.

²⁸ Parker 2007, 28.

²⁹ Общепринятым является мнение, что Плутарх в биографии Агесилая опирался главным образом на Ксенофонта. См., например, Cawkwell 1976, 63; Hamilton 1991, 171.

³⁰ См., например, Marshall 1905, 12.

³¹ Davies 2018, 495.

³² В 379 г. фиванские изгнанники во главе с Пелопидом освободили Фивы от «тиранов», являвшихся ставленниками спартанцев, а затем и от спартанского гарнизона и восстановили прежнее государственное устройство. Выборы беотархов в Фивах являлись заявкой на восстановление Беотийского союза, что вскоре и произошло.

Само предприятие Сфодрия Плутарх характеризует как несправедливое и противозаконное (πρῶξιν ἄδικον... καὶ παράνομον). Плутархово описание самого рейда совпадает с рассказом Ксенофонта. У Плутарха только больше, чем у афинского историка, эффектных драматических деталей и оценочных суждений. Тут и страх воинов перед священным Элевсином, и мародерство, и позорный и бесславный уход в Феспии (24. 5).

Нет особых разночтений с Ксенофонтом и в той части, где речь идет о привлечении Сфодрия к суду и его отказе туда явиться. Плутарх, в отличие от Ксенофонта, знатока спартанских реалий, не уточняет, какие именно магистраты инициировали судебное разбирательство. Вместо термина «эфоры», как у Ксенофонта, он употребляет слово с самым широким значением, обозначающее политическое руководство как таковое — «архонты» (*Ages.* 24. 6).

Версия Плутарха о внутренних механизмах, приведших к оправданию Сфодрия, и о позиции Агесилая в этом вопросе является кратким, но довольно точным конспектом рассказа Ксенофонта: та же расстановка политических сил (*Ages.* 25. 1), те же действующие лица, те же аргументы, которыми руководствовался Агесилай, вплоть до текстуальных совпадений. Так, Агесилай у Ксенофонта завершает апологию Сфодрию словами «именно в таких воинах нуждается Спарта» (*Hell.* V. 4. 32: τὴν γὰρ Σπάρτην τοιοῦτων δεῖσθαι στρατιωτῶν), а у Плутарха это звучит как «государство нуждается в подобных воинах» (*Ages.* 25. 4: τὴν πόλιν... τοιοῦτων στρατιωτῶν δεομένην). Плутарх, что вполне естественно, пропустил первую часть фразы Ксенофонта, где тот употребляет специфически спартанские названия этапов агогэ, которые последовательно и успешно проходил в свое время Сфодрий.

В «Жизнеописании Пелопида» Плутарх также упоминает Сфодрия. Правда, в этой версии есть некоторые разночтения с его собственным вариантом в «Агесилае». Некоторые детали, особенно касающиеся фиванцев, указаны, как кажется, более точно. Так, беотархами, которые «придумали» (μηχανῶνται), как поссорить Афины и Спарту, названы Пелопид и Горгид³³ (*Pelop.* 14. 1). Плутарх указывает именно на Пелопида как на главного инициатора задуманной провокации. По его словам, Пелопид «частным образом» (ιδίᾳ) подослал к Сфодрию одного знакомого купца³⁴ с предложением, подкрепленным деньгами, напасть на Пирей (14. 2). В «Агесилае», как мы уже заметили, о подкупе вовсе не упоминалось. В целом, как нам представляется, версия Плутарха существенно не отличается от рассказа Ксенофонта. Плутарх только прибавил некоторые детали, видимо, известные ему из беотийской традиции.

Итак, в источниках нет однозначного ответа на вопрос о том, кто конкретно стоял за решением Сфодрия напасть на Пирей. У Ксенофонта и Плутарха подстрекателями Сфодрия названы фиванцы, причем Плутарх даже указывает их имена, у Диодора — царь Клеомброт. Рассмотрим версию о фиванцах. Среди

³³ Соратник Эпаминонда и создатель знаменитого «священного лоха», состоящего из 300 воинов, видимо, в подражание спартанским «всадникам» (*Plut. Pelop.* 18–19).

³⁴ В рукописи ἔμλορόν τινα (досл. «какого-то купца»). Лурье принимает поправку Г. Кейля, предложившего чтение Διέμλορον (*Luria* 1935, 316). Комментаторы, издатели и переводчики, как правило, не принимают эту поправку.

ученых, полностью отрицающих это предание, назовем С.Я. Лурье. По его словам, версию о влиянии Пелопида на решение Сфодрия напасть на Пирей «необходимо совершенно откинуть, как исторически несостоятельную»³⁵. Столь же решительно настроен и А. Макдоналд. Он обвиняет Ксенофонта в том, что тот просто изобрел соучастие беотийцев в этом рейде³⁶. Никаких убедительных доказательств и соображений при этом не приводится.

Нам представляется, что вряд ли стоит безоговорочно отвергать эту традицию как недостоверную и считать ее выдумкой Ксенофонта только на том основании, что тот крайне недоброжелательно относился к Фивам и готов был передавать любые слухи, порочащие фиванских лидеров. Мы присоединяемся к взвешенной позиции Робина Сигера, автора главы о Царском мире и Втором Афинском морском союзе во 2-м издании Кембриджской древней истории. Он убежден, что в любом случае Сфодрий действовал не по собственной инициативе. Р. Сигер склоняется к тому, что именно фиванцы были наиболее вероятными подстрекателями Сфодрия. Последние, по мнению профессора из Ливерпуля, были крайне заинтересованы в том, чтобы спровоцировать войну между Спартой и Афинами, и потому «мотив, приписываемый фиванцам, является рациональным и убедительным»³⁷.

С некоторыми оговорками принимает данное предание и Виктор Паркер. Он полагает, что именно фиванцы спровоцировали Сфодрия, толкнув его на поступок, чреватый войной с афинянами, но отрицает факт подкупа как единственную убедительную для Сфодрия мотивацию. По мнению профессора из Кентербери, это выдумка Ксенофонта. В. Паркер обращает внимание на то, что тема тайного подкупа в мотивации действий военачальников — это топос у греческих историков³⁸. Однако заметим, что вряд ли Ксенофонт сам был автором подобной выдумки, но он вполне мог передавать слухи, ходившие на этот счёт в Спарте³⁹. Действительно, при непонятных поступках своих военачальников, которые трудно было истолковать иначе как предательство, всегда возникали разговоры о подкупе⁴⁰. Так что Ксенофонт, возможно, передает только распространившийся в Спарте слух. Именно так можно понять его ремарку «как подозревали» (ὡς ὑπολάττειετο) к словам о взятке, предложенной Сфодрию (*Hell.* V. 4. 20). Ксенофонт не собирался защищать репутацию Сфодрия, поскольку тот не входил

³⁵ Luria 1935, 317.

³⁶ MacDonald 1972, 38–39.

³⁷ Seager 2008, 167.

³⁸ Parker 2007, 23, n. 38.

³⁹ Повсеместная коррупция, проникшая в ряды спартанской элиты, давно стала притчей во языцех. В самой Спарте обвинения в получении взятки должностными лицами даже самого высокого ранга уже с начала V в. представлялись рядовым явлением. Видимо, начиная с IV в. безудержная страсть спартанцев к деньгам и обогащению стала восприниматься в Греции как их национальная черта (*Isocr.* VIII. 96; XI. 20; *Arist. Pol.* II. 6. 23 = 1271b).

⁴⁰ В спартанской судебной практике судьи имели склонность осуждать даже тех, чья вина не была твердо доказана. Так, например, случилось с царем Клеоменом (*Hdt.* VI. 82; 50; 64) и царем Агисом II (*Thuc.* V. 63; *Diod.* XII. 78), а также, возможно, с навархом 410/409 г. Пасиппидом (*Xen. Hell.* I. 1. 32).

в круг друзей Агесилая, но, с другой стороны, он не хотел брать на себя ответственность за подобное обвинение.

Иногда ученые принимают за возможного подстрекателя Сфодрия царя Клеомброта, хотя об этом свидетельствует единственный, притом поздний автор — Диодор. Ни Ксенофонт, ни Плутарх на это даже не намекают. Однако полностью отвергать сообщение Диодора мы бы не стали. Сфодрий скорее всего относился к тем высшим офицерам, которым молодой царь доверял. Не случайно Клеомброт назначил Сфодрия гармостом Феспий и оставил ему значительный воинский контингент и деньги (*Hell. V. 4. 15*). И царь вполне мог дать Сфодрию какие-либо инструкции, правда, вряд ли такие радикальные, как нападение на Пирей.

Поэтому мы не согласны с А. Макдоналдом, автором статьи о рейде Сфодрия, который предположил, что Сфодрий получил от Клеомброта тайное распоряжение о вторжении в Аттику и захвате Пирея. А. Макдоналд уверен, что Сфодрий не мог действовать по собственной инициативе и за ним обязательно должен был стоять кто-то из царей. Поскольку Агесилай, как он полагал, был вовлечен в эту историю уже *post factum*, то методом исключения единственно возможным инициатором захвата Пирея у него остался Клеомброт. Никаких серьезных аргументов в защиту своей версии, кроме вышеприведенного соображения, А. Макдоналд не приводит⁴¹.

Как правило, ученые, которые высказывались по данному вопросу, вслед за Эд. Мейером отказываются верить, что за Сфодрием мог стоять царь Клеомброт. По их мнению, сторонники Клеомброта были малочисленны и ни сам царь, ни его окружение никакой роли в Спарте не играли. Диодор же сделал свой вывод только исходя из замечания Ксенофонта, что Сфодрий входил в круг друзей Клеомброта (*Hell. V. 4. 25*)⁴². Действительно, трудно предполагать, что Клеомброт, став царем после смерти своего брата Агесиполида в 380 г., к 378 г. успел приобрести значительный политический вес в Спарте. В это время он неизбежно должен был еще полностью находиться в тени своего великого соправителя и вряд ли осмелился бы подталкивать Сфодрия к такой сомнительной аванюре, как атака на Пирей.

Нам представляется наиболее удовлетворительным то решение, которое предложил Ч. Гамильтон. По его мнению, обе версии о подстрекателях Сфодрия, встречающиеся в наших источниках, скорее всего содержат ядро истины. Клеомброт, оставляя Сфодрия в Феспиях, мог снабдить его инструкциями скорее общего, чем частного характера. Царь, вероятно, дал ему указание предотвращать любые антиспартанские действия афинян. А фиванские беотархи, в свою очередь, отправили к Сфодрию людей, чтобы побудить его совершить дерзкий поступок, напомнив «подвиг» Фебида, захватившего Кадмею и ставшего в глазах многих спартанцев героем⁴³.

Хотя ни в одном из наших источников нет ни слова о каком-либо влиянии Агесилая на Сфодрия, тем не менее именно его нередко называют кукловодом, использовавшим Сфодрия как свою марионетку. Такой вывод ученые делают, исходя из представления об Агесилае как центральной фигуре спартанской истории

⁴¹ MacDonald 1972, 38–44. См. также Cartledge 2000, 19.

⁴² Underhill 1900, 204–205; Meyer 1902, 379; Luria 1935, 317.

⁴³ Hamilton 1991, 169.

на протяжении нескольких десятилетий IV в. Исследователи, видящие в Агесилае вдохновителя Сфодрия, уверены в том, что невозможно вообразить себе ни одной крупной внешнеполитической акции, в которой не был бы задействован Агесилай⁴⁴. Но при этом они никак не объясняют полного молчания источников в данном конкретном случае.

Иногда Сфодрия привязывают к Агесилаю через посредство Фебида. Напомним, что Фебид летом 382 г. со своим отрядом захватил Фивы, укрепившись на их акрополе Кадмее, и помог установить здесь проспартанский режим. Эта акция была абсолютно противозаконной, поскольку на тот момент продолжал действовать Царский мир, и именно так она была воспринята всеми греками. За действиями Фебида некоторые ученые определенно видят руку Агесилая⁴⁵. И этот вывод, в отличие от истории со Сфодрием, подтверждается источниками.

Так, Плутарх говорит об упорных слухах, которые ходили среди греков и самих спартанцев, «что Фебид был только исполнителем, а зачинщик всего дела — Агесилай». Плутарх добавляет, что «дальнейшие события с несомненностью подтвердили это подозрение» (*Ages.* 24. 1). Диодор идет еще дальше и захват Фебидом Кадмеи напрямую связывает с неким тайным приказом, отданным будто бы всем спартанским военачальникам, «чтобы они, если представится случай, захватили Кадмею» (*XV.* 20. 2). Р. Сигер не без основания полагает, что вариант Диодора скорее всего содержит сильное преувеличение⁴⁶.

Ксенофонт, оставляя в тени любые сомнительные поступки своего героя, прямо не говорит, что именно Агесилай толкнул Фебида на захват Кадмеи, но явно намекает на вовлеченность Агесилая в историю с Фебидом и его крайнюю заинтересованность в оправдании того. Защищая Фебида, Агесилай даже ссылается на какое-то древнее установление (*ἀρχαῖον εἶναι νόμον*), согласно которому любого военачальника надо судить по тому, вреден или полезен его поступок для государства (*Hell.* V. 2. 32). Защита Агесилая оказалась эффективной, и, хотя суд признал действия Фебида преступными и приговорил его к огромному штрафу⁴⁷, тем не менее Кадмея осталась в руках спартанцев. Это означало, что спартанские власти *de facto* санкционировали ее захват, а суд над Фебидом и штраф были лишь лицемерным прикрытием откровенной агрессии. Конечно, с первого взгляда может показаться, что спартанцы проявили непоследовательность в своих оценках и дальнейших действиях. Однако если признать, что за этим предприятием стоял Агесилай, все встает на свои места. Скорее всего Агесилай даже мог заплатить штраф за своего протеже. Это вполне соответствует его политике поддержки людей, безусловно ему преданных. Фебид оставался в его ближайшем окружении и, видимо, пользовался его безусловным доверием. Во всяком случае, летом 378 г. во время похода против Фив Агесилай, укрепив свою базу в Феспиях, оставил там в качестве гармоста именно Фебида (*Hell.* V. 4. 41).

⁴⁴ См., например, Meyer 1902, 205, 294.

⁴⁵ Luria 1935, 309; Smith 1954, 279; Cawkwell 1976, 79; Seager 2008, 160.

⁴⁶ Seager 2008, 160.

⁴⁷ О суде над Фебидом см. также Polyb. IV. 27. 6; Nep. *Pelop.* 1. 3.

Но если о влиянии Агесилая на Фебида сохранилась традиция, то со Сфодрием у нас ничего нет, кроме догадок. Недаром С.Я. Лурье, желая доказать, что за Сфодрием тоже стоял Агесилай, выдвинул гипотезу, которую сам же назвал «несколько фантастической». Вот как он толкует рассказ Плутарха о том, что беотархи Мелон и Пелопид «подослали к Сфодрию людей, прикинувшихся друзьями лакедемонян, которые... побудили Сфодрия взяться за дело» (*Ages.* 24. 4). Лурье рискнул предположить, что эти люди были подосланы Агесилаем. А сама версия о беотийской интриге, которую транслировал Ксенофонт, возникла в правящих кругах Спарты *post factum*, и автором ее скорее всего был сам Агесилай. По мнению Лурье, местные беотийские историки с удовольствием подхватили этот анекдот, соответственно разукрасив его. А от них уже его позаимствовал Плутарх⁴⁸. Вариант, предложенный Лурье, достаточно фантастичен, и доказать его невозможно.

Мы полагаем, что в предании нет никаких свидетельств, которые можно было бы трактовать в пользу тайного руководства Агесилая действиями Сфодрия. Ксенофонт определенно говорит, что Сфодрий был сторонником Клеомброта. И юный царь, уходя из Беотии, назначил именно его на важный пост гармоста. Так что Сфодрий был явно человеком Клеомброта. Что касается реакции Агесилая на просьбы своего сына и его, казалось бы, неожиданное для всех выступление в защиту Сфодрия, то это скорее всего связано с общим представлением Агесилая о ценности для Спарты каждого спартиата. Возможно, Агесилаю также хотелось продемонстрировать перед своим младшим коллегой уровень своего влияния на суд. Такое поведение избличает в Агесилае талантливого политического манипулятора, знавшего, как произвести впечатление на окружающих и добиться от суда нужного ему решения.

Агесилай на протяжении всей своей жизни старательно демонстрировал скромность и умеренность во всем, бедно одеваясь и живя в самом простом доме (*Xen. Ages.* 8. 6–7; 11. 11), а когда этого требовали обстоятельства, легко шел даже на значительные материальные жертвы (*Xen. Ages.* 11. 3; 8; 11; *Plut. Ages.* 4. 1). Благодаря такому поведению у него был довольно большой круг сторонников в Спарте, включая, вероятно, как высших гражданских магистратов — эфоров и геронтов⁴⁹, так и военачальников, среди которых встречались такие выдающиеся фигуры, как Лисандр, принесший Спарте победу в Пелопоннесской войне⁵⁰. Агесилай прилагал массу усилий, чтобы сделать их своими друзьями. Так он формировал

⁴⁸ Luria 1935, 318.

⁴⁹ Согласно Плутарху, «всякий раз, как подходили эфоры, когда он, сидя на царском троне, решал дела, он поднимался им навстречу; каждому вновь избранному геронту он всегда посылал в качестве почетного дара теплый плащ и быка» (*Ages.* 4. 3).

⁵⁰ Во многом усилиями Лисандра Агесилаю удалось занять трон Эврипontiдов (*Xen. Hell.* III. 3. 1–3; *Plut. Lys.* 22. 6–13; *Ages.* 3; *Paus.* III. 8. 7–10; *Nep. Ages.* 1). Но, став царем, Агесилай очень быстро отодвинул Лисандра, чтобы не терпеть рядом с собой столь влиятельного военачальника и политика (*Xen. Hell.* III. 4. 7–8; 4. 20; *Plut. Lys.* 24. 2). Ради диффамации Лисандра он даже хотел добиться его посмертного осуждения как государственного преступника, посягнувшего на спартанскую конституцию (*Diod.* XIV. 13. 4–5; *Plut. Lys.* 24; 30. 5). История с Лисандром прекрасно иллюстрирует характер Агесилая с его яростным стремлением к абсолютному лидерству.

свою клиентелу. Причем Агесилай не ограничивался одной Спартой. У него был обширный круг гостеприимцев во многих греческих городах, включая такие общегреческие религиозные центры, как Дельфы⁵¹. Часть этих связей досталась ему от предков, а часть он приобрел сам (Xen. *Hell.* V. 3. 13). В результате его многолетних усилий по формированию «корпуса друзей» значительная часть высших магистратов, включая эфоров и геронтов, вероятно, находились под его сильнейшим влиянием. Это дало ему возможность оказывать давление на судебную коллегию, контролируя голоса как геронтов, так и эфоров. Как заметил Никос Биргалиас, такие влиятельные и много лет правящие цари, как Агесилай, конечно, имели возможность «использовать герусию для того, чтобы представлять свою личную политическую волю как результат коллективного решения»⁵². К моменту суда над Сфодрием Агесилай царствовал уже 22 года, так что к 378 г., как заметил П. Картледж, большинство членов герусии, которые должны были судить Сфодрия, были выбраны уже после его вступления на трон⁵³, так что, вероятно, он обладал значительным на них влиянием.

Ксенофонт восхищался этой особенной чертой Агесилая — его старанием всячески помогать друзьям и поддерживать их, не жалея на это ни времени, ни денег. Это свойство царя он называл «любовью к друзьям» (φιλεταρία). Как заметил Пьер Понтье, в образе царя Агесилая Ксенофонт в полной мере воплотил модель главнокомандующего или политика, который предпочитает давать деньги друзьям, а не копить их⁵⁴. Вслед за Ксенофонтом тему любви к друзьям развивает и Плутарх. По его словам, Агесилай был готов защищать своих друзей, даже совершивших преступление, ибо дружбу царь ставил выше закона: «Агесилай во всем прочем строго придерживался законов, но когда дело касалось дружбы, считал неукоснительную приверженность справедливости пустой отговоркой» (Ages. 13. 3). Плутарх утверждает, что Агесилай «не только спас жизнь Фебиду, но и убедил государство взять ответственность за это преступление, разместив в Кадмее караульный отряд...» (Ages. 23. 7)⁵⁵. Эта фраза Плутарха означает, что Фебида судили и ему угрожала смертная казнь. И только усилиями Агесилая Фебид отделался штрафом, правда, весьма большим, в 100 тысяч драхм (около 17 талантов) (Plut. Ages. 6. 1; Diod. XV. 20. 2).

В действиях Агесилая по спасению сперва Фебида, а потом и Сфодрия трудно отделить его частные интересы от государственных. Излишняя забота о поддержании и сохранении дружеских связей толкала царя порой на сомнительные поступки. Его защита Сфодрия как раз и попадает в их число. Отсутствие ясного

---

⁵¹ Агесилай не жалел денег для Дельф. Так, ведя войну против персидского царя в Малой Азии, он в течение двух лет (396–395 гг.) пожертвовал Дельфийскому святилищу огромную сумму — более ста талантов (Xen. *Hell.* IV. 3. 21; Ages. 1. 34).

⁵² Birgalias 2007, 348.

⁵³ Cartledge 2000, 19.

⁵⁴ Pontier 2016, 291–292.

⁵⁵ Плутарх сообщает нам, что спартанец Фебид нарушил условия перемирия, оккупировав Кадмею при поддержке фиванцев Архия и Леонтида (Ages. 23. 7). Последние, по словам Плутарха, были номинально полемархами, но фактически правили Фивами как тираны (24. 1).

ответа в источниках привело к довольно широкому разбросу мнений о возможных побудительных мотивах Агесилая.

Так, П. Картледж полагает, что Агесилай, защищая Сфодрия, хотел лишиться своего соправителя Клеомброта влиятельного приверженца. Ведь «Сфодрий, однажды оправданный, теперь должен был быть обязан своей жизнью Агесилаю, и можно было ожидать, что он теперь недолго будет поддерживать своего первоначального патрона, соперника Агесилая Клеомброта»⁵⁶. Но, как нам кажется, Клеомброт не был настолько значимой фигурой, чтобы заставить Агесилая вмешаться в судебный процесс только ради того, чтобы переманить на свою сторону одного из его друзей.

Ч. Гамильтон, в свою очередь, предположил, что среди причин, заставивших Агесилая поддержать Сфодрия, было, «возможно, желание уменьшить степень противостояния ему самому и его политике со стороны партии Клеомброта»⁵⁷. Такой вывод вполне соответствует замечанию Плутарха о стремлении Агесилая расширить круг людей, обязанных ему. Ради этой цели царь защищал своих врагов в суде, надеясь сделать их своими друзьями (*Ages.* 20. 4).

Еще одно объяснение благоволения Агесилая к Сфодрию предложил Р. Сигер. По его мнению, Агесилай был уверен в могуществе Спарты. Он явно переоценил возможности и ресурсы своего государства, думая, что Спарта способна вести одновременно войну на два фронта, против Фив и Афин⁵⁸. Поэтому Агесилай не видел особой беды в том, что Сфодрий дал афинянам повод нарушить Царский мир. Мы думаем, что в версии Р. Сигера есть доля истины. Агесилай в течение своего долгого правления (399–360) стал обладателем высшей военно-политической власти (*Xen. Ages.* 1. 7; *Diod.* XIV. 79. 1; *Plut. Lys.* 23; *Ages.* 6). Но и опытный политик мог иногда ошибаться. Видимо, царь переоценил лояльность афинян и легкомысленно проигнорировал их требование наказать Сфодрия за вторжение того на территорию Аттики.

Нам представляется, что Агесилай, приняв решение защищать Сфодрия, мог руководствоваться целым рядом соображений. Среди них, видимо, было желание непременно спасти Сфодрия от казни и сохранить за ним полные гражданские права. К такому выводу пришли П. Картледж, Ч. Гамильтон и И.Е. Суриков⁵⁹. Они полагают, что не последнюю роль в позиции Агесилая в отношении Сфодрия сыграла его забота о сохранении жизни любого спартанского гражданина, поскольку для царя не остался незамеченным давно шедший в Спарте процесс олигантропии⁶⁰. Этот мотив, возможно, был связан с тем, что спартанские власти

⁵⁶ Cartledge 2000, 20.

⁵⁷ Hamilton 1991, 172.

⁵⁸ Seager 2008, 168.

⁵⁹ Cartledge 1987, 158; Hamilton 1991, 172; Surikov 2015, 119.

⁶⁰ В период детства и юности Сфодрия, т.е. в конце V в., гражданское население Спарты было уже достаточно малочисленным. К этому времени уже принял катастрофический характер процесс сокращения гражданского населения, так называемая олигантропия (ὀλιγάνθρωπία — досл. «малолюдство»). В спартанском войске, сражающемся при Левктрах, насчитывалось не более семисот спартиатов, и это было всё спартанское ополчение (!) (*Xen. Hell.* VI. 4. 17). Гибель четырехсот из них оказалась для

уже в полной мере осознали всю тяжесть проблемы, связанной с нарастающим уменьшением притока спартиатов в армию. Так что, как полагает Суриков, вероятно, «вполне искренними и ответственными были высказывания царя в том духе, что не следует разбрасываться доблестными воинами, даже если кто-то из них и совершил проступок»⁶¹.

Без вмешательства Агесилая в судебный процесс над Сфодрием обвинительный приговор был бы делом решенным. Об этом свидетельствуют все наши источники. В истории Спарты мы больше не найдем ни одного случая, когда мнение одного человека стало бы достаточным основанием для оправдательного приговора бесспорному военному преступнику. Конечно, басилевсы, заседающие в суде вместе с геронтами и эфорами, имели какое-то влияние на часть судей, но никогда это влияние не было абсолютным, как в случае с Агесилаем. Перед нами свидетельство того, что Агесилай, в отличие от всех прежних царей Спарты, сумел занять лидирующее положение в государстве, отодвинув от реальной власти своих соправителей⁶². Агесилай, судя по результатам суда над Сфодрием, располагал и большинством голосов в герусии. При весьма малочисленном правящем сословии Агесилаю достаточно было привлечь к себе в качестве «друзей» несколько десятков спартиатов из числа геронтов, эфоров и генералитета. И, видимо, ему это блестяще удалось: подчеркнуто скромный образ жизни, демонстративно почтительное отношение к гражданским магистратам (*Plut. Ages.* 19) и щедрость в отношении нуждающихся сограждан (*Xen. Ages.* 4. 5–6) обеспечили ему немало сторонников среди спартанской элиты (*Plut. Ages.* 4. 1). Агесилай на протяжении своего долгого царствования сумел избежать конфликтов с эфорами и геронтами, в результате чего он никогда не привлекался к суду. Спартанским басилевсам как до него, так и после него это удавалось редко. История с оправданием Сфодрия как раз и показывает, что в тот момент влияние Агесилая на спартанский суд было абсолютным. Царская власть, подкреплённая военными успехами и неформальным авторитетом, сделала Агесилая самым влиятельным политиком как в самой Спарте, так и во всей Греции. Но его циничное отношение к общепринятой морали, нежелание считаться с союзниками и пренебрежение к нормам международного права приводили порой к результатам, неожиданным

Спарты таким ударом, от которого она так никогда и не смогла оправиться (*Arist. Pol.* II. 6. 12 = 1270a 34–35). Ксенофонт в «Лакедемонской политике» назвал Спарту одним из самых малонаселенных городов (1. 1). Явления, подобного спартанской олигантропии, не было ни в одном другом греческом полисе.

⁶¹ Surikov 2015, 119.

⁶² Агесилай ловко умел обращаться со своими соправителями и соперниками — царями из дома Агиадов. Во многом благодаря его интригам царь Павсаний был осужден и лишен власти (*Xen. Hell.* III. 5. 25), а его сын Агесиполид I (395–380) полностью попал под влияние Агесилая (*Plut. Ages.* 20). Робкие попытки Агесиполида изменить агрессивный внешнеполитический курс Агесилая ни к чему не привели (*Diod.* XV. 19. 4). Клеомброт, младший брат Агесиполида, царствовал недолго и погиб в битве при Левктрах (380–371). Видимо, он полностью находился в тени своего опытного и влиятельного коллеги.

для него самого. Так, его вмешательство в судебный процесс над Сфодрием имело самые печальные последствия как для Спарты, так и для него лично.

Заметим, что существует бесспорная связь между оправданием Сфодрия и созданием Второго Афинского морского союза. Агесилай в данном случае оказался недалёковидным политиком, не сумевшим просчитать всех последствий своего решения во что бы то стало спасти Сфодрия. Ч. Гамильтон обратил внимание на связь между результатами суда над Сфодрием и решением Афин приложить максимум усилий для создания антиспартанской коалиции. Агесилай, не посчитавшись с мнением афинян, призывавших наказать Сфодрия за преступное вторжение, допустил «колоссальный промах, приведший к внешнеполитическому провалу огромных масштабов»⁶³. Плутарх отметил, что с этого момента стала падать популярность Агесилая как в Спарте, так и за ее пределами: «Сфодрий был оправдан, и афиняне, узнав об этом, решились на войну. Агесилая резко порицали, считая, что из-за нелепой ребяческой страсти своего сына он воспрепятствовал справедливому решению суда и таким образом сделал свое отечество повинным в величайшем беззаконии по отношению ко всем грекам» (*Ages.* 26. 1).

Слишком долгое пребывание у власти Агесилая, царя честолюбивого, ценящего больше всего власть, как оказалось, не всегда было для Спарты благом. Агесилаю, опытному манипулятору и ловкому интригану, удалось подчинить своему влиянию как слабых и неопытных царей из династии Агиадов, так и большую часть правящей элиты. Но далеко не всю. Как раз судебные процессы над Фебидом и Сфодрием показали, что в Спарте часть элиты выступала против слишком агрессивной и прямолинейной внешней политики, проводимой под давлением Агесилая⁶⁴. Однако Агесилай, обладая большинством в герусии и пользуясь поддержкой эфоров, каждый раз имел возможность подавить критику со стороны оппозиции. Даже в таких судебных процессах, где судили бесспорных военных преступников, Агесилай сумел взять верх над сомневающимися и навязать им свою волю. Ряд ошибочных судебных решений, которые были инспирированы Агесилаем и навязаны им герусии, имели самые катастрофические последствия для Спарты. Так что рассматриваемый в этой статье частный случай, связанный с «делом Сфодрия», дает нам возможность лучше представить себе то место, которое занимал Агесилай в Спарте, и оценить степень его вины в развале Спартанской империи.

Литература / References

- Andreev, Yu.V. 1969: [The Spartan 'Knights']. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 24–36.
 Андреев, Ю.В. Спартанские «всадники». *ВДИ* 4, 24–36.
 Birgalias, N. 2007: La Gérouσία et les gérontes de Sparte. *Ktèma* 32, 341–349.
 Bockisch, G. 1965: Ἀρχοστὰί (431–337). *Klio* 46, 129–239.
 Cartledge, P. 1981: The politics of Spartan pederasty. *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 27, 17–36.

⁶³ Hamilton 1991, 173.

⁶⁴ Ruzé 2018, 340.

- Cartledge, P. 1987: *Agesilaos and the Crisis of Sparta*. London.
- Cartledge, P. 2000: Spartan justice? Or «the state of the Ephors»? *Dike. Rivista di storia del diritto greco ed ellenistico* 3, 5–26.
- Cawkwell, G.L. 1973: The foundation of the Second Athenian Confederacy. *Classical Quarterly* 23, 1, 47–60.
- Cawkwell, G.L. 1976: Agesilaus and Sparta. *Classical Quarterly* 26, 1, 62–84.
- Davies, Ph. 2018: Equality and distinction within the Spartiate community. In: A. Powell (ed.), *A Companion to Sparta*. Vol. II. Hoboken, 480–499.
- Ducat, J. 2007: Xénophon et la sélection des *hippeis* (Lakedaimoniôn politeia, IV, 1–6). *Ktêma* 32, 327–340.
- Figueira, T.J. 2006: The Spartan *hippeis*. In: S. Hodkinson, A. Powell (eds.), *Sparta and War*. Swansea, 57–84.
- Hamilton, Ch.D. 1991: *Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony*. London–Ithaca.
- Hornblower, S. 2011: *The Greek world 479–323 BC*. 4th ed. London–New York.
- Luria, S. Ya. 1935: Commentary. In: *Ksenofont. Grecheskaya istoriya. Perevod, vstupitel'naya stat'ya i kommentariy S. Lur'e* [Xenophon. *The Greek History. Translation, Introduction and Commentary by S. Luria*]. Leningrad, 213–353.
- Лурье, С.Я. Комментарий. В кн.: *Ксенофонт. Греческая история. Перевод, вступительная статья и комментарий С. Лурье*. Л., 213–353.
- MacDonald, A. 1972: A note on the raid of Sphodrias: the case for Diodoros. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 21/1, 38–44.
- MacDowell, D.M. 1986: *Spartan Law*. (Scottish Classical Studies, 1). Edinburgh.
- Marshall, F.H. 1905: *The Second Athenian Confederacy*. Cambridge.
- Meyer, Ed. 1902: *Geschichte des Altertums*. Bd.V. Stuttgart.
- Parker, V. 2007: Sphodrias' raid and the liberation of Thebes: a study of Ephorus and Xenophon. *Hermes* 135/1, 13–33.
- Pontier, P. 2016: Le roi, l'argent et la justice. Remarques sur l'Agésilas, IV. *GAIA: revue interdisciplinaire sur la Grèce Archaique* 19, 289–306.
- Rhodes, P.J. 2006: *A History of the Classical Greek World, 478–323 BC*. Oxford.
- Richer, N. 1998: *Les éphores. Études sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIIIe–IIIe siècle av. J.-C)*. Paris.
- Ruzé, F. 2018: The empire of the Spartans (404–371). In: A. Powell (ed.), *A Companion to Sparta*. Vol. I. Hoboken, 320–353.
- Seager, R. 2008: The King's peace and the Second Athenian Confederacy. In: D.M. Lewis, J. Boardman, S. Hornblower, M. Ostwald (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. VI. Pt. 1. 2nd ed. Cambridge, 156–186.
- Smith, R.E. 1954: The opposition to Agesilaus' foreign policy 394–371 B.C. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 2/3, 274–288.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsija: Politiki v kontekste epochi. Na poroge novogo mira* [Ancient Greece. Politicians in the Context of the Epoch. On the Threshold of a New World]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Tod, M.N. 1948: *A Selection of Greek Historical Inscriptions*. Vol. II. *From 403 to 323 BC*. Oxford.
- Underhill, G.E. 1900: *A Commentary with Introduction and Appendix on the Hellenica of Xenophon*. Oxford.